

Орлянская Е. Г.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ И ЯЗЫКОВЫХ КАТЕГОРИЙ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/57.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 137-139. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ствуется действительности.

К данной модели можно отнести следующие конструкции: «Мировой инструмент», «Дом часов», «Посудная лавка», «Березниковские колбасы», «Шторы от Сауле», «Вина Кубани», «Обувь у Ольги», «Кухни у Елены», «ЦентрОбувь», «Винная лавка», «Винный погребок», «Посудная лавка», «Детский мир». Как мы видим, в некоторых конструкциях сочетаются несколько типов номинации: антропоним + вид продукции, эргоним оттопонимического происхождения + вид продукции.

Следующий вид реально мотивированных эргонимов - образованные сокращением или словосложением: «ЦентрОбувь», «Спортмастер», «ДеМо» (Детская мода).

Еще одной группой эргонимов с реальной мотивировкой являются те, в названии которых использована торговая марки: «Savage», «Sela», «Oggi», «Mango», «Gloria Jeans», «Baon», «Верещагинский трикотаж», «Твое», «Hause».

Эргонимы с символическим типом именования отражают реальные признаков объектов при помощи метафоры. Чаще к этой группе можно отнести ряд названий магазинов для детей: «Буратино», «Мальвина», «Карлсон», «Непоседа», «Кроха», «Малыш», «Ангел», «Карапуз», «Лимпопо», а также множество магазинов для взрослых: «Клаксон» (автозапчасти), «Люди в новом» (одежда), «Айболит» (аптека), «Природа» (зоомагазин), «Маленькая Италия» (итальянская одежда), «Времена года» (сезонная одежда), «Обелиск» (похоронные товары), «Связной» (телефоны), «Лакомка» (сладости), «Скрепка» (канцтовары), «Хозяюшка» (товары для дома), «Услада» (сладости, выпечка), «Саквояж» (сумки), «Мастер» (инструменты). Часто подобные названия даются торговым центрам: «Вавилон», «Радуга», «Миллениум», «Дирижабль», «Мелодия», «Космос».

Названия ночных клубов и баров чаще всего тоже относятся к данной группе. Владельцы, чтобы выделить свой бар из множества других, стараются выбрать название звучные и оригинальные: «Прага», «Барракуда», «Малибу», «В-3», «Зу-Зу», «Малинки», «Мираж», «Эдельвейс», «Атмосфера». По этому же принципу даются названия кафе и ресторанам: «Эдем», «Баттерфляй», «Мармеладный кот», «Африка», «Хорошее место».

Иногда для особой звучности владельцы при именовании используют иностранные слова. В некоторых случаях это использование торговой марки, вынесенной в название («Savage», «Mango», «Sela», «Adidas»). В других случаях используются звучные иностранные слова, перевод которых не всегда имеет отношение к продаваемому товару: «Edera» (нижнее белье), «Bona Dea» (нижнее белье), «CD-Line», «CD-Land», «CD-Max» (диски), «Time» (часы), «Next» (салон красоты), «Le bon cafe» (кофейня), «Master pizza» (пиццерия), «Nega» (бытовая техника), «Logena» (кухонная мебель), «Паркет-Sity». Возможно использование иностранных слов с русским написанием: «Баттерфляй» (кофейня), «Терра интерьера» (мебель).

Таким образом, не все принципы номинации одинаково популярны. Самыми распространёнными являются названия антропонимического происхождения, имена, указывающие на продаваемый товар, а также эргонимы, основанные на метафоре.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ И ЯЗЫКОВЫХ КАТЕГОРИЙ

Орлянская Е. Г.

Белгородский государственный университет

Признанию языка ментальным образованием, порождаемым человеческой мыслью, предшествовал долгий путь становления научного поиска, направленного на разрешение одной из важнейших философских проблем - соотношения языка и мышления, обозначенной в лингвистике как проблема мыслительных и языковых категорий.

К уровню мыслительного содержания относятся внеязыковые категории. Они отличаются по степени абстрагированности, являются отражением объективной реальности бытия и считаются универсальными, поскольку обозначают универсальные понятия общего характера, существующие у разных народов мира. Внеязыковые мыслительные категории противопоставляются языковым семантическим функциям и функционально-семантическим полям, относящимся к уровню языкового содержания, обусловленному системой конкретного языка [Бондарко, 1971; БЭС, 1998 и др.].

Идея о том, что существуют категории, выражаемые в строе языка, и категории, выражаемые посредством языка, высказывалась исследователями давно, однако проблема их разграничения по сей день остается предметом дискуссий среди ученых. Например, для многих направлений западной философии характерен так называемый «лингвистический поворот» в понимании мыслительных категорий, трактуемых не как формы мышления и сознания, а как языковые структуры. Вследствие этого философский анализ категорий подменяется формально-логическим анализом синтаксиса и семантики [The linguistic turn, 1967].

Категории мысли и категории языка различны по своей сути, но человек постигает первые при помощи вторых, из-за чего происходит их наложение друг на друга. Э. Бенвенист писал, «...то, что можно сказать, ограничивает и организует то, что можно мыслить. Язык придает основную форму тем свойствам, которые разум признает за вещами» [Бенвенист, 1974, с. 111].

Понятийные категории не ориентированы на языковые единицы, то есть на систему законов и правил, согласно которым функционирует конкретный язык как система. Они отражают общие закономерности по-

знания окружающей действительности как совокупности двух миров: микромира человека, с одной стороны, и макромира природы и космоса, с другой. Понятийные категории, относящиеся к сфере мышления, вместе с тем всегда получают языковое воплощение, поскольку окружающая действительность становится доступной сознанию только через ее дискретизацию, через определение иррационального континуума с помощью тех форм, которыми располагает сознание. В первую очередь, это слова, делающие возможным сознание и существование в нем чувственных и логических образов, связанных образами акустическими [Чернейко, 1998].

Понятийные категории, которые соотносятся с системой языковых единиц, принято называть, согласно сложившейся традиции [Бондарко, 1971, 1983; Васильев, 1990], семантическими категориями.

Постановка вопроса о семантических категориях, таким образом, опирается в научной традиции на теорию понятийных категорий. Разработку этой теории связывают, прежде всего, с именами О. Есперсена [1958], который, в частности, ввел сам термин «понятийные категории», и Л. Ельмслева [1962]. Отражение действительности происходит дважды: в сфере мышления и в сфере языка. Взаимодействуя с окружающим миром и воспринимая сложные явления и процессы объективной действительности, человек получает знания о мире, являющиеся предпосылкой формирования и передачи его опыта. Результатом человеческого опыта, опосредованного универсальными законами мышления, являются понятийные категории, создающие основу для семантических структур языка.

В отечественной лингвистике активные исследования в данной области связывают с именем И. И. Мещанинова, который всегда подчеркивал языковую природу понятийных категорий: «Смысловая сторона должна обращать на себя внимание. Но при ее учете приходится придерживаться самого языкового материала. Приходится проследить в самом языке, в его лексических группировках и соответствиях, в морфологии и синтаксисе выражение тех понятий, которые создаются нормами сознания и образуют в языке выдержанные схемы. Эти понятия, выражаемые в самом языке, хотя бы и неграмматической формой грамматического понятия, остаются в пределах языкового материала. Поэтому они не выступают из общего числа языковых категорий» [Мещанинов, 1945, с. 14].

В пользу данной точки зрения высказывается С. Г. Щур, выделяя в системе понятийных категорий два уровня. Согласно его точке зрения, к первому уровню относится система фундаментальных категорий и единиц мыслительного содержания, отражающая содержательную категоризацию, связанную с отражением предметов, свойств, отношений объективной действительности, и не зависящая от особенностей отдельных языков. Второй уровень - это комплекс понятийных категорий, находящихся в отношении регулярного соответствия с теми языковыми семантическими функциями, в которых эти категории находят свое воплощение и свою конкретно-языковую и конкретно-речевую реализацию. Это те понятийные категории, которые заключены в грамматических, лексических, словообразовательных значениях данного языка и их речевых реализациях [Щур, 1974].

Пытаясь отойти от опоры на мышление и выделить собственно языковую природу понятийных категорий, А. В. Бондарко развивает это направление в терминах семантических категорий. Термин «семантическая категория» он использует применительно к конкретно-языковому аспекту, а термин «понятийная категория» - к универсально-понятийному. С этим связан отказ от термина понятийные категории, который дает основание думать, что имеются в виду логические понятия, а не категории языка. Использование термина «семантическая категория» находит известное основание в том, что «...критерием выделения рассматриваемых категорий является частичная общность семантических функций взаимодействующих языковых элементов (наличие семантического инварианта при всех различиях вариантов)» [Бондарко, 1971, с. 8].

В то же время следует отметить, что понятийные и семантические категории не находятся во взаимно однозначном соответствии. Понятийные категории - это когнитивный слепок с внеязыкового мира, так как связаны с ним более непосредственно, чем категории семантики. Последние относятся к явлениям не только языка вообще, но и данного конкретного языка со всеми присущими ему отличительными особенностями. В связи с этим может иметь место определенная асимметрия между понятийными и семантическими планами, приводящая к тому, что понятийный уровень является ментальной основой уровня семантического, а последний - языковым выражением первого.

Хотя разработку теории внеязыковых категорий связывают с именами Л. Ельмслева и О. Есперсена, а в отечественном языкознании - И. И. Мещанинова, В. В. Виноградова, С. Д. Кацнельсона, В. И. Ярцевой, М. М. Гухман и др., следует признать, что в лингвистической литературе и ранее высказывались предположения о ментальной природе языка и существовании некоего мыслительного субстрата, лежащего в основе языковых построений.

Среди ученых, придерживающихся линии ментализма в истории языкознания, следует назвать, в первую очередь, представителей грамматики Пор-Рояля, которые, признавая неразрывную связь языка и мышления, все же недооценивали роль первого, устанавливая однозначные отношения между логикой и грамматикой и отождествляя мыслительные категории (имеющие общечеловеческий, универсальный характер) с категориями языковыми. Другим менталистическим направлением было гумбольдтианство и неогумбольдтианство. В. фон Гумбольдт в вопросе соотношения языка и мышления отводил ведущее место языку, называя его своеобразным мировоззрением и органом, образующим мысль. И. А. Бодуэн де Куртенэ определял язык как особый «третий вид знания», существующий наряду с «теоретически-научным» и «интуитивно-артистическим»: «Из языкового мышления можно вывести целое своеобразное языковое знание, знание всех

областей бытия и небытия, всех направлений мира» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 312]. Г. Шпет говорил о «словесном знании» [Шпет, 1996]. Приведенные рассуждения ученых прошлого подтверждают идею о том, что языковое знание - это все то, что данный язык знает (на уровне рациональном / сублогическом) о действительности и о себе как фрагменте этой действительности.

Использование определенных языковых и внеязыковых знаний требует от человека способности придать поступающей к нему информации упорядоченный характер, свести бесконечное разнообразие своих ощущений и объективное многообразие форм материи и ее движения в определенные рубрики - классы, разряды, группировки, множества, категории [Кубрякова, 1997, с. 45].

Действительность становится реальностью сознания через опредмечивание ее через имя, которое, единожды возникнув, получает или не получает дальнейшее право на свое место в языке. Поэтому характерной чертой языков, как считал Дж. Лайонз, является то, что они налагают на телесный мир некоторую лексическую категоризацию и как бы проводят в различных местах произвольные границы [Lyons, 1977]. По мнению Д. Тейлора, все классификации человека являются лингвистическими, поскольку они тесно связаны с такими умозаключениями, о которых мы узнаем благодаря языку [Taylor, 1989].

Таким образом, исследуемые ментальные сущности, мыслительные и языковые категории, организующие человеческие знания и опыт, являются продуктом активной классифицирующей деятельности человеческого сознания и мышления. Они сущности результирующие, вторичные по отношению к объективной реальности, до человека и вне человека не существующие.

Список использованной литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред., с вступ. статьей и коммент. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. Язык и языки // Избранные труды по общему языкознанию: в 2-х томах. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 2.
3. Большой энциклопедический словарь (БЭС). Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
4. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. М.: Наука; Ленингр. отд-ние, 1971.
5. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика. М.: Высшая школа, 1990.
6. Ельмслев Л. Можно ли сказать, что значения слов образуют структуру? // Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962.
7. Есперсен О. Философия грамматики / пер. с англ. В. В. Пасека, С. П. Сафонова. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958.
8. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: Филол. фак-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997.
9. Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке // Труды Воен. ин-та иностр. языков. 1945. № 1.
10. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 1997.
11. Шпет Г. Г. Язык и смысл // Логос. 1996. № 7.
12. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. М.: Наука, 1974.
13. Lyons J. Semantics. Cambridge: The Cambridge University press, 1977. Vol. 2.
14. Taylor J. R. Linguistic categorization. Prototypes in linguistic theory. Oxford: Clarendon press, 1989.
15. The linguistic turn / ed. by R. Rorty. Chicago-L.: The University of Chicago press, 1967.

ОЛОВЯННЫЙ, ДЕРЕВЯННЫЙ, СТЕКЛЯННЫЙ И ПРОЧИЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЗ ПРАВИЛ: СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?

Паймина О. С.

Казанское высшее военное командное училище

Подавляющее большинство исключений из орфографических правил в современном русском языке уходит своими корнями в его многовековую историю, которая хранит массу ещё неразгаданных языковых тайн.

Исключения из правил и так называемые словарные слова в русском языке в большинстве случаев объясняются историческими причинами, причём как собственно языковыми, так и экстралингвистическими.

Появление удвоенных согласных зачастую связано с историей редуцированных гласных. Например, жжёт (*жъжеть*), незаконный (ср. *беззаконници*). Мы вынуждены запоминать удвоенные согласные в корне слова, ведь их средствами современного языка никак не проверишь. Другое дело удвоенные согласные на стыке морфем. Но как объяснить появление удвоенных согласных внутри суффиксальной морфемы?

Некоторые слова попадают в разряд исключений в силу небрежного обращения с ними. В языке, как в любом организме, нет ничего лишнего, ненужного. Даже если мы крайне редко используем те или иные языковые средства (графемы, лексемы и т.д.), не стоит забывать об их существовании или недооценивать их роль. Так, упразднение и десятеричного в результате орфографической реформы 1918 года заставляет школьников ломать голову над смыслом названия романа Л. Н. Толстого «Война и мир».

«Забыв» о существовании глагола ветрить, мы получили исключение среди прилагательных с суффиксом -енн- - ветренный. А ведь логично было бы отнести его в разряд отглагольных прилагательных, таких как пареный, жареный. Конечно, у глагола ветрить был специфический субъект действия - ветер, но это не противоречит логике русского языка. Тогда мы бы получили следующие соответствия:

масляный ← масло, то есть 'сделанный из масла', и масляный ← маслить - 'покрытый маслом';